

Введенский А. И. Западная действительность и русские идеалы: (Письма из-за границы) // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 9. С. 411—444 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Западная действительность и русские идеалы.

(ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ).

П И С Ъ М О П Я Т О Е.

Общее впечатлѣніе, производимое парижскою жизнью. — Парижъ и Берлинъ. — Культура французская выше-ли нѣмецкой? — Двѣ формулы: *égalité, liberté, fraternité* и *summum jus summa injuria*. — Недовольство республиканскимъ строемъ. — Монархисты, католики и прогрессисты. — Анархизмъ стоитъ-ли въ связи съ республиканскимъ принципомъ равенства и свободы? — Мнѣніе *Temps'a*. — Что можетъ уберечь республиканцевъ отъ ската по уклону къ анархизму. — Умственный строй современной Франціи. — Такъ называемый Парижскій Университетъ. — Публичные курсы. — Два крайнихъ полюса французской мысли. — Эстетико-скептическій эпикуреизмъ Ренана. — Его рѣчь въ собраніи „любителей греческаго образованія“. — „Нейтральная школа“ во Франціи или „школа *Sans Dieu*“. — *Catéchisme laïque*. — Отповѣдь Ренану. — Среднія теченія современной фр. мысли: „новый мистицизмъ“ и „спиритуалистическая философская школа“. — Нѣчто о Парижской обыденной жизни, забавахъ и модахъ. — Общее сужденіе о французскихъ и гаданія о возможномъ будущемъ французской націи.

Парижъ. Иные люди, иные нравы. Таже нивелирующая культура съ ея смѣшеніемъ временъ и сроковъ, съ ея показнымъ лоскомъ и сомнительною обратною стороною; но на всемъ лежитъ иной отпечатокъ. Парижанинъ живъ и подвиженъ, какъ его легкая, щебечущая рѣчь, хотя, вопреки общепринятому мнѣнію, эта подвижность далеко не всегда и вовсе необязательно переходитъ во фривольность и „леichtigkeit“. Кто-то сказалъ о французяхъ, что они могли-бы танцовать у кратера Этны. Это отчасти вѣрно: когда одинъ ресторанъ летѣлъ здѣсь на воздухъ, они забавлялись сочиненіемъ меню *à la Ravachol* въ другомъ; когда судьи, участвовавшіе въ процессѣ Равашоля, не чувствовали подъ

собою почвы отъ страха быть по окончаніи процесса взорванными, ихъ милые соотечественники безпечно тѣшились карриатурами этихъ самыхъ судей, услужливо изготовлявшимися въ бюро различныхъ юмористическихъ и сатирическихъ листковъ; и вообще „папика взрывовъ“, о которой такъ много говорили особенно внѣ предѣловъ Парижа, имѣла здѣсь и свою комическую сторону, благодаря исключительной способности француза ни надъ чѣмъ долго не останавливаться, ко всему примѣшивать шутку и все обращать въ поводъ посмѣяться и потѣшиться. Все это такъ. Но не слѣдуетъ, съ другой стороны, забывать и того, что, не смотря на эту свою безпечность, перемѣнчивость и, такъ сказать, „воляжность“ (volage), тѣже самые французы съумѣли удивительно скоро оправиться послѣ разрушительнаго погрома 71-го года и занять въ финансовомъ и промышленномъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ: уже одно это показываетъ, что при всей „игривости“ своего характера, они въ сущности и трудолюбивы, и энергичны, и смыслены. И дѣйствительно, живя и обращаясь съ ними, постоянно приходится убѣждаться въ этомъ: они не боятся грязнить своихъ выхоленныхъ рукъ работою, какъ-бы черна она иногда ни была.

Между Парижемъ и Берлиномъ много сходства. Оба они построены по одному и тому-же типу, — по типу „западнаго города“. Но, при этой общности типа, есть между ними и довольно замѣтныя различія. Съ перваго взгляда Парижъ, какъ и Берлинъ, представляется одною сплошною громадою однообразныхъ, чуть не нагроможденныхъ другъ на друга, исполинскихъ сѣрыхъ зданій. Но затѣмъ, когда находишь въ немъ, на его улицахъ, въ несравненно большей пропорціи, чѣмъ въ Берлинѣ, памятники зодчества и ваянія, — громадныя по размѣрамъ, тонкіе и изящныя по исполненію; когда останавливаешься въ невольномъ изумленіи предъ величавою готикою Собора Парижской Богоматери (Notre-Dame de Paris), Маделены, Пантеона и т. д.: то сразу чувствуешь, то вступаешь въ иную культурную атмосферу, въ иной кругъ традицій и идей, и кажется еще испытываешь на себѣ мистическое обаяніе далекаго католическаго средневѣковья съ его неясными идеями, съ его отчетливо выработанными, какъ бы стереотипными, внѣш-

ними формами, съ его привычкою сдерживать всѣ порывы личной жизни и постоянно вперять взоръ въ общее и вѣчное, которое такъ наглядно символизировано въ его таинственныхъ храмахъ съ монотонными органами и тусклою мозаикой. Далѣе, въ Парижѣ, какъ и въ Берлинѣ, какъ и вообще во всякомъ другомъ западномъ городѣ, собственно говоря, нѣтъ центра; но, тогда какъ въ Берлинѣ жизнь, — которая никогда не можетъ оставаться безъ центра и, за отсутствіемъ центра естественнаго, всегда и неизбежно создаетъ себѣ центръ искусственный, — стягивается къ Университету и олицетворенной въ немъ наукѣ, въ Парижѣ она стягивается къ искусству, которое, какъ извѣстно, здѣсь живетъ въ большомъ ладу съ промышленностью: пѣмцы, кажется, живутъ лишь для того, чтобы учиться; французы учатся для того, чтобы жить, и лишь постольку, поскольку наука нужна для жизни. Въ Парижѣ, какъ и въ Берлинѣ, много порядку; но въ Берлинѣ порядокъ, такъ сказать, вымученный, полицейскій, подневольный, канцелярскій, а въ Парижѣ естественный, природный, вытекающій изъ эстетической природы француза. Въ Берлинѣ полиція *боится*; въ Парижѣ полиція сама *боится* и очень склонна понимать *первое* правило своей инструкціи „давать указанія и оказывать помощь“ въ смыслѣ болѣе удобнаго и для нея, и для гражданъ правила — „видя не видѣть и слушая не слышать“. Въ Парижѣ, какъ и въ Берлинѣ, изнанка „культуры“ очень неблагополучна; но это „неблагополучіе“ здѣсь гораздо откровеннѣе и гораздо чаще всплываетъ на поверхность жизни.

Не разъ задавались вопросомъ о сравнительной высотѣ культуры французской и нѣмецкой. И действительно, на этотъ вопросъ какъ-то невольно наталкиваешься, когда переѣзжаешь изъ Берлина въ Парижъ: культура французская, въ самомъ дѣлѣ, выше-ли нѣмецкой? Вопросъ естественный и, повидимому, простой. Казалось-бы, достаточно взглянуть на парижскую жизнь послѣ берлинской, чтобы на него отвѣтить. И однако этотъ отвѣтъ очень труденъ. Очень ужъ эластично это истасканное слово „культура“! Что разумѣть подъ нею? Когда, пріѣзжая въ Парижъ, Вы узнаете, что здѣсь уже нельзя, какъ въ Берлинѣ, оставлять дома свою трость, такъ какъ по улицамъ бродитъ масса

собакъ безъ намордниковъ, да при томъ кусаются здѣсь не только собаки, но иногда, особенно на окраинахъ, такъ же и люди,—вѣсы Вашего правосудія склоняются на сторону Берлина и нѣмцевъ. Но вотъ Вы узнаете, что, вопреки ожиданіямъ и приготовленіямъ къ хожденію по полицейскимъ мытарствамъ для предьявленія паспорта и удостовѣренія личности, Васъ оставляютъ здѣсь въ совершенномъ покоѣ и никто ни разу не спрашиваетъ Вашего „вида“, вѣсы наклоняются въ сторону французовъ и Парижа: „ахъ, какъ это удобно здѣсь“,—восклицаютъ обыкновенно путешественники, которымъ еще памятно берлинское хожденіе по Polizei-Revier'амъ и Präsidium'амъ и при томъ буквально въ первые часы по вѣздѣ въ Берлинъ! Подождите, однако, восторгаться: медаль имѣетъ и обратную сторону! Вотъ Вамъ нужно идти въ почтовое бюро для полученія по mandat'u (открытый бланкъ международной денежной корреспонденціи), въ банкъ для продажи процентной бумаги, или въ Національную Библиотеку. Повсюду требуется удостовѣреніе Вашей личности. Вы, конечно, предьявляете Вашъ паспортъ; но ему вѣры не даютъ: „почемъ, — говорятъ, — знать, что это Вашъ паспортъ“? — Что-же для доказательства этого нужно, спрашиваете Вы?— „А приведите maitre d'hôtel'я—хозяина гостиницы, въ которой Вы остановились!“ — Такимъ образомъ, хозяину гостиницы, который знаетъ Васъ всего два-три дня, вѣрятъ, а паспорту нѣтъ... Когда требуютъ удостовѣренія отъ консульства (какъ, напр., въ Національной Библиотецѣ), это, конечно, естественно и понятно, — этому подчиняешься охотно, хотя это сравнительно хлопотливо; но maitre d'hôtel,—это воля Ваша, трудно переварить! Что-же, въ концѣ концовъ, отсюда выходитъ? А выходитъ, что берлинская канцелярщина, съ ея мытарствами, гораздо удобнѣе и лучше: разъ прошелъ по мытарствамъ и свободенъ отъ нихъ навсегда. Куда-бы ты ни пришелъ послѣ, достаточно для удостовѣренія личности одной подписи имени,—по ней разыщутъ въ случаѣ надобности. А здѣсь эта прославленная свобода хороша только для „безпаспортныхъ“, укрывающихся отъ взоровъ полиціи,—для Равашолей; для всѣхъ-же остальныхъ она право чаще служить источникомъ недоразумѣній и даже огорченій, чѣмъ удобствъ. „Всѣ, — говорятъ, — здѣсь, въ этой странѣ свободы, равны;

всѣ имѣютъ право на свободу отъ стѣсненій и ограниченій“. Да! Но люди честные имѣютъ, сверхъ этого незавиднаго права на столь дешевую свободу. еще и обязанность подчиняться „печальнымъ necessitatibus“; утилизируютъ-же это право, обращая его на служеніе безправію, — повторяемъ, — лишь одни Равашолы. Здѣсь мы убѣждаемся еще разъ въ справедливости изреченія: *summum jus, summa injuria*.

Это предательское слово *injuria*, кажется, сквозитъ повсюду, гдѣ, къ дѣлу и не къ дѣлу, горделиво красуется пресловутый республиканскій девизъ: *égalité, liberté, fraternité*. Вотъ мы разглядываемъ его на почеркѣвшей стѣнѣ алтарной части древняго католическаго храма. Что означаетъ онъ здѣсь? Казалось-бы, отвѣтъ простъ и ясенъ: въ странѣ свободы каждый въ дѣлахъ вѣры долженъ быть свободенъ — мірянинъ можетъ исповѣдывать какую угодно вѣру или даже не исповѣдывать никакой, лицо духовное можетъ безпрепятственно выполнять обязанности, налагаемыя на него долгомъ. Однако, нѣтъ-же: служителю церкви нѣтъ правъ и нѣтъ свободы исполнять свой долгъ! Какая въ самомъ дѣлѣ, здѣсь масса, особенно за послѣднее время, всякихъ „проскрипцій“, лишеній жалованья, денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ на лицъ духовныхъ, — именно за исполненіе долга, за наставленіе пасомыхъ не говорить и не дѣлать ничего противнаго ихъ вѣрѣ: не избирать депутатовъ, извѣстныхъ своею враждою христіанской религіи (жидовъ, франкмасоновъ, атеистовъ), не содѣйствовать ни прямо, ни косвенно, обмирщенію школъ, и вообще проведенію чрезъ парламентъ какихъ-либо антирелигіозныхъ и почестивыхъ законовъ (*la législation antireligieuse et scélérate*). „Никогда не увидали и никогда не увидятъ, — сказали между прочимъ недавно одинъ аббатъ въ своей проповѣди объ „обязанностяхъ католиковъ“, — не увидятъ, чтобы епископъ или священникъ покровительствовалъ *врагу религіи*“: послѣдовательно и ясно и, кажется, ни для кого не обидно! И однако за *эти самыя слова* приговорили аббата, который уже два года лишенъ государственнаго жалованья, къ уплатѣ высшаго денежнаго штрафа — *въ три тысячи франковъ!* „И вотъ смотрите, — разсуждаетъ по этому поводу l’Autorité (клерикальный органъ, издаваемый извѣстнымъ Полемъ

Кассаньякомъ—Paul de Cassagnac),—смотрите, какъ понимаютъ во Франціи прекращеніе религіозной вражды. Никогда не запрещали жидамъ выполнять обряды своей религіи и, если существуютъ антисемиты, такъ вѣдь они не касаются вѣрованій; католическому-же священнику въ настоящее время не дозволено говорить съ кафедры, что христіанинъ *не можетъ подавать голосъ* (на выборахъ) *за врага религіи*,—подъ страхомъ быть привлеченнымъ къ отвѣтственности предъ безчеловѣчными блюстителеми исправительной полиціи (*devant les détresseurs de la police correctionnelle*) или самаго государственнаго Совѣта“ (*L’Autorité*, № 182). „Вѣдь требовать, чтобы католическіе епископы одобряли законы, направленные ко вреду кат. церкви, и имъ подчинялись, это,—говорить тотъ-же органъ въ другомъ мѣстѣ,—это все равно, что требовать отъ служителей Божіихъ, какъ это дѣлали цари языческіе, вкушенія идоложертвеннаго мяса“ ¹⁾. Мы не беремся судить, во всѣхъ-ли случаяхъ правы представители католической церкви, которая, какъ извѣстно, очень любитъ вторгаться въ непринадлежащія ей сферы; но, что, при всѣхъ ограниченіяхъ, принципы *égalité* и *liberté* въ данномъ случаѣ всетаки будутъ страдать, — это, полагаемъ, не подлежитъ спору. Какое-же, въ самомъ дѣлѣ „равенство“ и какая „свобода“, когда бульварнымъ листкамъ, напр., безнаказанно позволяютъ молоть всякій кощунственный, развращающій и будирующій вздоръ, а католическому священнику запрещаютъ говорить, что католикъ повсюду долженъ быть католикомъ?!.. Или вотъ, напр., Вы разглядываете республиканскій девизъ на стѣнахъ испанскихъ зданій бывшихъ дворцовъ: Лувра, Палэ-Рояля (*Palais-Royal*) и др. Что означаетъ онъ *здѣсь*? Означаетъ, видите-ли, что дворцы сдѣлались теперь достояніемъ общимъ

1) (*L’Autorité*, № 62 — передовая статья самаго Кассаньяка по поводу извѣстнаго отвѣта президента Карно на привѣтственные рѣчи епископовъ Нанси и Verdun’a, по смыслу котораго какъ онъ истолкованъ Кассаньякомъ, президентъ требовалъ отъ епископовъ не только подчиненія конституціи, но и *всему республиканскому законодательству*, со включеніемъ, слѣдовательно, и статей „нечестивыхъ“ (*scélérates*), каковы: обмѣршеніе школъ, госпиталей, отдача семинаристовъ въ солдаты, законы о разводѣ, лишеніе епископовъ и священниковъ жалованья, запрещеніе католич. собраній и т. д.

и стали какъ всё другія зданія, — обращены отчасти въ музеи (это, конечно, все же почетное назначеніе) и театры, отчасти въ жилия помѣщенія для простыхъ смертныхъ, отчасти въ магазины, отчасти просто сданы подъ таверны: базаръ и таверны въ стѣнахъ, въ которыхъ, кажется, еще вѣютъ таинственныя тѣни различныхъ Карловъ, Генриховъ, Людовиковъ, Наполеоновъ, — нѣтъ, нужно быть французомъ, чтобы мириться со всёмъ этимъ „равенствомъ“, уравненіемъ въ правахъ и назначеніи, особенно когда припомнишь, что, во имя этого-же принципа, самая лучшая часть Лувра была вандалски разрушена коммунарами со всёми, находившимися въ ней, произведениями искусства! Сравнять дворецъ съ лачугою, католика съ жидомъ, честнаго человѣка съ динамитчикомъ, — *le voilà*, какъ говорятъ французы, вотъ ихъ равенство! А нѣкоторые литературные говоруны, отправляясь все отъ того-же принципа и все во имя его-же, идутъ и еще дальше. Вотъ, напр., прогрессивный *L'Éclair* въ передовой статьѣ доказываетъ, что, такъ какъ-де въ республиканскомъ государствѣ всё равны и все обще, все принадлежитъ всёму, цѣлому; то всё индивидуальныя силы, а въ томъ числѣ (!) и сила *производительная*, должны быть обращены на служеніе этому цѣлому: слѣдовательно, — дѣлаетъ газета свой знаменитый выводъ, — католическій целибатъ долженъ быть упраздненъ, и всё, какъ женскіе, такъ и мужскіе монастыри, закрыты, такъ какъ-де патеры и монахи незаконно и несправедливо (съ точки зрѣнія республиканскаго равенства) „уклоняются отъ исполненія первой и самой необходимой *соціальной обязанности* (!), — обязанности воспроизведенія и численнаго увеличенія населенія“ (*L'Éclair*, № 1274). Принудительный бракъ, *насиліе* надъ самыми завѣтными, освященными религіею, убѣжденіями, во имя *равенства* предъ требованіями животнаго инстинкта и въ цѣляхъ механическаго нарожденія государства, — вотъ свобода, вотъ *равноправіе*! По крайней мѣрѣ послѣдовательно. Не въ правѣ-ли мы послѣ всего этого сказать, что республиканскій принципъ безграничной свободы и безусловнаго равенства, — что этотъ высшій *jus* въ сущности есть высшая *injuria*?!..

Само собою понятно, что на этомъ, стремящемся уравнять по существу неравное и, поэтому, распадающемся отъ

внутренняго противорѣчія, принципъ не можетъ устоять никакой прочной политической строй. И дѣйствительно, мы видимъ, что и современнымъ quasi-идеальнымъ строемъ Франціи очень и очень многіе здѣсь недовольны. Имъ недовольны монархисты, имъ недовольны католики, имъ недовольны, наконецъ, и сами прогрессисты.

Монархисты сами по себѣ, конечно, въ настоящее время республикѣ не страшны: ихъ партія, не многочисленная и не сильная вообще, послѣ извѣстной энциклики Папы отъ 12-го февраля текущаго года, которою онъ признаетъ законность и республиканской формы правленія, еще болѣе утратила въ своемъ значеніи, и въ нынѣшнемъ году, на обычномъ годовомъ праздникѣ въ честь графа Парижскаго (Le comte de Paris — кандидатъ въ монархи), монархисты уже недосчитывались многихъ изъ своихъ соучастниковъ, такъ какъ, въ виду упомянутой энциклики, многіе католики, очевидно, боялись компрометтировать себя предъ святѣйшимъ отцемъ своимъ участіемъ на *монархическомъ* банкетѣ (см. Le Temps. № 11309). Но считаться съ монархистами все же приходится. Несравненно болѣе трудную задачу, уже по самой своей численности, представляютъ католики, имѣющіе столько поводовъ и иногда, повидимому, не совсѣмъ незаконныхъ (см. выше) быть недовольными республиканскимъ правительствомъ. Правда, за послѣднее время, на основаніи все той-же знаменитой энциклики, и они какъ-будто немного поуспокоились. Они выработали хитрую формулу, разсчитанную, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, на то, чтобы, по пословицѣ, и волки были сыты и овцы цѣлы, — именно формулу, по смыслу которой слѣдуетъ признавать республику съ ея основною конституціею, но можно и даже должно, во имя требованій религіи и нравственности, протестовать противъ частныхъ мѣръ республиканскаго правительства. Такимъ образомъ республиканцы удовлетворены, республика признана; но и недовольные ею не обижены: имъ оставлена свобода „протестовать противъ частныхъ“ т. е. подкапывать существующій строй слегка и понемногу. А кто сумѣетъ сказать, гдѣ долженъ быть положенъ конецъ этому подкапыванію и не приведетъ-ли оно въ концѣ концовъ къ подрыву всего строя? Во всякомъ случаѣ почва довольно скользкая и, когда на этой

почвѣ подають другъ другу руки не рѣдко расходящіяся между собою и, во всякомъ случаѣ, не тождественныя группы монархистовъ и католиковъ, то, набравшись въ этомъ союзѣ мужества, они договариваются иногда до формулъ, которыя, вѣроятно, не особенно нравятся ни папѣ, ни республиканцамъ. Такъ, напр., „правая ройялистская“ (La Droite Royaliste), въ собраніи 9-го іюня подъ предѣтельствомъ герцога Додвильскаго (Le duc Doudeauville), скрѣпила многочисленными подписями любопытный документъ, въ которомъ строго разграничиваются обязанности къ святѣйшему престолу и обязанности къ *странѣ* (не къ республикѣ — къ ней нѣтъ обязанностей!). „Святѣйшему Отцу, — таковъ смыслъ документа, — мы обязаны безусловнымъ послушаніемъ въ *дѣлахъ вѣры*; что-же касается дѣлъ политическихъ, то здѣсь позволительно сообразоваться и съ чувствомъ долга къ отечеству, и съ собственнымъ разумніемъ теченія дѣлъ. Повидимому, — аргументируетъ документъ дальше, — повидимому, это совпадаетъ и съ желаніями святѣйшаго Престола. Вѣдь если, въ самомъ дѣлѣ, онъ признаетъ теперь республиканскую форму правленія *въ томъ-же самомъ смыслѣ*, въ какомъ признавалъ и формы предыдущія (монархію); то, очевидно, онъ не можетъ дать ей никакихъ особенныхъ привиллегій. Слѣдовательно, принятіе республики вовсе не безусловно обязательно. Это дѣло личной воли и личнаго пониманія каждаго и, въ частности, *для насъ, монархистовъ*, — энергично добавляетъ „манифестъ“, — монархистовъ различныхъ отбѣнковъ *республика никогда не будетъ обязательною, — никогда!* Не потребуешь отъ насъ этого и долгъ къ странѣ. Онъ требуетъ одного: искренней и мужественной защиты истинно національныхъ интересовъ на почвѣ свободы (défendre les intérêts nationaux sur le terrain de la liberté), — свободы, которою должны одинаково пользоваться всѣ дѣти страны“. Таковъ смыслъ этого любопытнаго „манифеста“. Число католиковъ, высказывающихъ съ нимъ свою солидарность увеличивается со дня на день, а главный виновникъ его, предѣдатель „Правой Ройялистской“, получаетъ за него сочувственные адреса (см. L’Autorité, №№ 163. 166 и др.). Что для республиканцевъ этотъ фактъ очень внушительный, — это, конечно, понятно.

Недовольны, какъ мы говорили, современнымъ республиканскимъ строемъ и прогрессисты, особенно самые „передовые“ между ними. Имъ этотъ строй представляется недостаточно послѣдовательнымъ и поэтому лишь переходнымъ. *Figaro*, въ своемъ иллюстрированномъ праздничномъ приложеніи по случаю перваго мая, далъ своимъ читателямъ обрачки „политическихъ каррикатуръ“, измышленныхъ именно прогрессистами различныхъ отгѣнковъ. Эти каррикатуры очень интересны и во многихъ отношеніяхъ поучительны. Оказывается, что въ число формъ правленія, не совпадающихъ съ политическими идеалами прогрессистовъ, попала и форма республиканская въ ея обоихъ видахъ; какъ „республика буржуазіи“ или „свободной конкуренціи“ и какъ „республика социальная“. Первая представляется прогрессистамъ—какъ-бы вы думали, читатель, въ какой формѣ? Въ формѣ безчисленнаго стада свиней, которыя, оцетинившись и взложивъ уши, съ яростью набрасываются на одно и то-же корыто, при чемъ опрокидываютъ и терзаютъ другъ друга. Другой типъ республики, „республика социальная“, представляется въ формѣ лучшей, „даже справедливой“ (!): корыто большое и у каждой свиньи свое отгороженное мѣсто, такъ что онѣ лакаютъ не обижая другъ друга и поэтому всѣ высматриваютъ сытыми, откормленными и тучными. Это, конечно, близко подходитъ къ прогрессивному идеалу, почему и карриатура „социальной республики“ поставлена на самомъ послѣднемъ, т. е. „высшемъ“ мѣстѣ, но все-же не есть еще его осуществленіе. Что-же, однако, дальше? — Дальше?—ну, здѣсь яснаго немного: здѣсь начинаются темныя видѣнія и смутные образы: вотъ триумфальное шествіе сомкнувшихся въ одну дружину пролетаріевъ, на знамени которыхъ начертано: „ni Dieu, ni maître“; вотъ всемірный потопъ ветхаго социальнаго міра съ его силами: капиталомъ, пушками, религіею, пресою, да кстати ужъ (вали все въ одну кучу!) и—проституціею; вотъ яростная толпа всякаго сброда, мужчинъ и женщинъ, вооруженныхъ кто чѣмъ попало, которая рушитъ и губитъ все, что встрѣчаетъ на пути; вотъ, наконецъ, лучезарный ликъ Карла Маркса, который остается неизмѣнно яснымъ, не смотря на множество пущенныхъ въ него ретроградами и особенно

Рихтеромъ (см. предыдущее письмо) комьевъ грязи, и рядомъ съ нимъ торжествующій Лассаль съ мечемъ и знаменемъ. Что-же, однако, дальше?—Ко всему этому мы прислушались и попривыкли. Все это лишь „приготовление“: гдѣ-же сама желанная дѣйтельность? Въ чемъ долженъ состоять самый идеальный строй общества? Къ сожалѣнію, въ отвѣтъ на этотъ важный вопросъ мы не находимъ въ ряду каррикатуръ даже и смутныхъ образовъ. Наше положеніе въ данномъ случаѣ было-бы совершенно безвыходнымъ, если-бы насъ не выручилъ изъ бѣды находчивый L'Eclair. Наталкиваясь въ статьѣ, которую мы уже цитовали выше, на только-что поставленный нами вопросъ, онъ разсѣкаетъ его самымъ неожиданнымъ образомъ. „Впередъ,—воскликаетъ онъ,—и не пужно очень много заботиться о томъ, куда мы наконецъ придемъ! По справедливому замѣчанію Спенсера, *намъ такъ-же невозможно теперь предчувствовать тѣ социальныя формы, къ которымъ приближается наша раса, какъ невозможно нормандскому пирату понять намъ настоящій строй*“ (L'Eclair, № 1274).

Было-бы совершеннымъ произволомъ утверждать, что въ ближайшемъ будущемъ республика пройдетъ именно тѣмъ путемъ, на который указываютъ передовые прогрессисты. Мы вовсе не хотимъ быть для нашихъ друзей-французовъ дурнымъ пророкомъ и вовсе этого не утверждаемъ. Мы хотимъ только сказать, что въ республиканскомъ принципѣ „свободы, равенства и братства“ *implicite* даны, и *логически* изъ него вытекаютъ мотивы къ тѣмъ социальнымъ перерожденіямъ, которыхъ желаютъ и ожидаютъ радикалы. Въ самомъ дѣлѣ, если девизомъ выставлено уравненіе всѣхъ, а наличный республиканскій строй такого идеальнаго уравненія не представляетъ; то не ясно-ли, что этотъ строй не есть еще строй совершенный, и что нужно стремиться къ его дальнѣйшей перестройкѣ. Такова и есть прямолинейная логика радикаловъ. Но отсюда еще далеко до дѣйтельности и одна логическая послѣдовательность вовсе не уполномочиваетъ еще на печальныя пророчества. Извѣстно, что логика не всегда совпадаетъ съ жизнью: для осуществленія *логической*, даже самой необходимой, связи идей нужны *реальныя* условія, а кто возьметъ на себя

смѣлость утверждать, что въ ближайшемъ будущемъ французской исторіи эти условія окажутся на лицо? Что-же касается необходимости вышеуказанной нами собственно логической связи республиканскаго принципа съ мотивами радикальныхъ реформъ, то, утверждая такую связь, мы вовсе не одиноки. Ее сознають и здѣсь. Такъ, на генеральномъ собраніи социаль-демократовъ 1-го мая (въ залѣ Gavie), одинъ изъ самыхъ популярныхъ ораторовъ сказалъ, что „анархисты — лишь *авангардъ* (l'avant-garde) социалистовъ“. За это открытіе оратору много аплодировали въ залѣ, и на другой день его мысль во многихъ парижскихъ газетахъ комментировалась какъ весьма основательная. Между прочимъ, довольно приличный органъ Soleil выразился на этотъ счетъ такъ: „доктрины анархистскія порождены доктринами социалистическими, какъ въ свою очередь эти послѣднія—доктринами республиканскими“ (приведены въ статьѣ *Temps'a*, № 11307). Ту-же мысль выразилъ, напр., на вышеупомянутомъ праздникѣ въ честь графа Парижскаго, болѣе авторитетный и компетентный авторъ—Норманъ, адвокатъ кассационной палаты (Normand, avocat à la cour d'appel): „одинъ общій уклонъ (pente),—сказалъ этотъ ораторъ,—пезамѣтно, но, тѣмъ не менѣе, фатально связываетъ наиболѣе либеральныхъ республиканцевъ съ динамитчиками“ (dynamiteurs). Правда, это сближеніе республиканцевъ съ анархистами и динамитчиками имѣло здѣсь и свою оппозицію; но полагаемъ, что, ознакомившись съ доводами этой оппозиціи, читатель не найдетъ ихъ особенно убѣдительными. Вотъ, напр., что говоритъ въ опроверженіе этого сближенія серьезный и спокойный *Temps*: „Мы не отрицаемъ, что фактически нѣкоторые социалисты не связываютъ никакого опредѣленнаго смысла съ тою этикеткою, которую они на себя наспиливаютъ, и, въ сущности, суть лишь революціонеры, проникнутые симпатіей, а быть можетъ даже уваженіемъ, къ подвигамъ Раваполя. Но если мы встанемъ на точку зрѣнія чисто теоретическую, то обѣ части дедукціи (т. е. сближеніе анархистовъ съ социалистами и этихъ послѣднихъ, съ республиканцами) окажутся равно несостоятельными. Въ самомъ дѣлѣ, анархія есть уничтоженіе всякой власти, всякаго закона, слѣд. безграничная индивидуальная разнузданность (licence),—

возвращеніе къ первобытному, натуральному состоянію, независимости чисто животной. Соціализмъ-же есть, напротивъ, упраздненіе права индивидуальнаго во имя соціальнаго цѣлаго, во имя коллективности, — радикальное подчиненіе гражданина обществу или, другими словами, коммунизмъ, доктрина Государства-Провидѣнія (l'Etat-Providence—?!), всемогущаго (?) Правительства. Отсюда слѣдуетъ, что вовсе нѣтъ необходимаго логическаго перехода отъ идеи соціалистической къ идеѣ анархистской; что, напротивъ, между обоими этими понятіями существуетъ непримиримая антипатія: одно есть отрицаніе другаго. Анархія хочетъ упразднить соціальную власть; соціализмъ хочетъ все ей подчинить. Съ другой стороны, хотя, дѣйствительно, многіе республиканцы провозглашаютъ себя соціалистами, однако между этими двумя эпитетами все-же нѣтъ необходимаго соотношенія: одинъ обозначаетъ теорію политическую, другой—соціальную. Вполнѣ мыслимъ абсолютный монархъ, усиливающійся осуществить платоновскій идеаль коммунизма (?) и, наоборотъ, даже самые радикальные республиканцы энергично отталкиваютъ иногда отъ себя кличку соціалиста, а между демократами очень много такихъ, которые выше всего ставятъ „Декларацію“ правъ человѣка и гражданина, т. е. самое ясное и самое категоричное признаніе *раціональнаго индивидуализма*. Слѣдуетъ—продолжаетъ *Temps*,—различать два сорта индивидуализма: грубый и какъ-бы животный индивидуализмъ анархіи, не полагающій никакого ограниченія индивидуальному капризу и алчности, и—индивидуализмъ раціональный, обезпечивающій гражданину уваженіе его свободы и правъ и, въ свою очередь, на него самого полагающій обязанность уважать свободу и права другаго. Этотъ индивидуализмъ, вовсе не исключаящій ни солидарности, ни братства, есть возвышенная доктрина, за которую стояли самые знаменитые мыслители новаго времени, начиная съ Локка въ Англіи, Монтескье во Франціи и Канта въ Германіи: эта доктрина, живымъ воплощеніемъ которой служить французская революція (sic!), можно надѣяться, восторжествуетъ въ будущемъ,—такъ заключаетъ *Temps*,—и надъ варварскою проповѣдью анархизма, и надъ утопіями коллективизма“ (Le Temps, № 11307).

Краснорѣчиво и ясно, вполне достойно почтеннаго и популярнаго органа французской прессы; но—для насъ, по крайней мѣрѣ, совершенно не убѣдительно. Вотъ паутина, которая могла-бы послужить хорошимъ примѣромъ политическаго софизма и недурнымъ средствомъ для развитія „гибкости мышления“! Все здѣсь одно въ другое переливается: извольте разбираться! Вы говорите: „анархизмъ сроденъ съ социализмомъ“. — Помилуйте, возражаютъ Вамъ, да вѣдь анархизмъ есть *индивидуализмъ*, а социализмъ есть *коллективизмъ*! — Вы продолжаете дальше: „а социализмъ сроденъ съ республиканствомъ“. — Напрасно, говорятъ, думаете: социализмъ есть *коллективизмъ*, поглощеніе личности (особенно когда онъ вступаетъ въ союзъ съ монархіею, а онъ—лукавецъ—можетъ и это сдѣлать!), республика-же есть сохраненіе личности, *индивидуализмъ*. — „Ну, хорошо, спѣшите вы воспользоваться случаемъ: ergo, анархизмъ сроденъ съ республиканствомъ, такъ какъ (оставимъ въ сторонѣ „лукавый“ социализмъ, который и есть-то всего лишь „соціальная теорія“!) оба они въ сущности, по вашему-же разъясненію, *индивидуализмъ*“. — Да, кипятится противникъ; но нужно различать между индивидуализмомъ и индивидуализмомъ: есть индивидуализмъ умный, „раціональный“ (республиканскій) и есть индивидуализмъ глупый, первобытный, „животный“ (анархистскій). — „Постойте, однако, привязываемся мы: кто-же вамъ сказалъ, какой индивидуализмъ умнѣе? Равашоль вамъ скажетъ, что его индивидуализмъ умнѣе, послѣдовательнѣе, логичнѣе: доростите-моль до моей точки зрѣнія, до моего передоваго и прогрессивнаго пониманія, и вы сами въ этомъ убѣдитесь, а теперь вы—нормандскіе пираты, которымъ трудно даже представить то благо, которое нашъ равашолевскій индивидуализмъ принесетъ людямъ! Притомъ, — добавить Равашоль, —напрасно вы насъ обижаете: мы, если угодно, мы тоже за общее благо, только мы понимаемъ это благо иначе и чище...“¹⁾. Вотъ и извольте тутъ разобраться,

¹⁾ Такъ именно Равашоль и заявилъ: „люди увидятъ, — сказалъ онъ между прочимъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ,—что я работалъ для блага человечества“ (pour le bien de l'humanité). Въ такомъ-же тонѣ составлены и его „автобіографія“, и проектъ „защитительной рѣчи“, какъ из-

гдѣ социализмъ, гдѣ индивидуализмъ; какой индивидуализмъ „умнѣе“, какое благо „выше“: мѣрку на этой скользкой почвѣ будетъ найти очень трудно.

А по нашему такъ. Есть начала человѣческія и есть начала вышечеловѣческія. Если хотятъ устроиться на однихъ только первыхъ, много спорятъ и вѣчно будутъ спорить: ибо никогда не будутъ въ состояніи опредѣлить, не выходя за эти начала, какая форма, какое благо и почему именно выше. Со второй-же точки зрѣнія все ясно и, по самому существу дѣла, никакихъ споровъ быть не можетъ. Индивидуализмъ и коллективизмъ, съ этой точки зрѣнія, суть лишь слова, обозначающія въ сущности одно и то-же, одни и тѣ-же человѣческія начала, мотивы, двигатели жизни, какъ хотите (симпатія, безопасность, комфортъ и т. д.),—и цѣна ихъ опредѣляется вовсе не тѣмъ, что одинъ ищетъ *личнаго*, а другой *общаго* (такое разграниченіе въ живомъ обществѣ, говоря строго, и не мыслимо), а въ томъ, *во имя чего* одинъ ищетъ одного, другой другого. Если искомое коренится въ началахъ сверхчеловѣческихъ, если поиски направляются къ осуществленію въ нашей преходящей жизни началъ вѣчныхъ, „сверхнатурального въ насъ“, то „форма“ выше и наоборотъ. Съ этой точки зрѣнія и Равашоль найдетъ свою безусловную оцѣнку. Но эта-же точка зрѣнія налагаетъ на противниковъ вышеприведеннаго сближенія „динамитчиковъ“ съ республиканцами и, въ частности,—на автора только что цитованной статьи *Temps'*а обязанность доказать, что республиканскій *принципъ* (о всемъ *стропъ* мы не говоримъ) утверждается не на однихъ только человѣческихъ началахъ. Смѣемъ думать, что это не сдѣлано, да и по существу не можетъ быть сдѣлано. А если такъ, то республиканство, социализмъ и анархія, дѣйствительно, какъ мѣтко выразился Норманъ, стоятъ на одномъ „уклонѣ“, проникнуты одними и тѣми-же тенденціями и, въ сущности, суть лишь степени одного и того-же социально-политическаго явленія. Удержится-ли фр. республика на этомъ уклонѣ, или стремглавъ полетитъ

и „и“.

вѣстно недопущенной къ произнесенію. „Анархія,—гов. онъ въ автобіографіи,—*есть уничтоженіе всѣхъ причинъ, разделяющихъ современное общество*“,

внизъ, или, наоборотъ, какою-либо чрезвычайною силою вѣшнихъ для нея обстоятельствъ будетъ поднята вверхъ и поставлена на спокойную площадь монархіи,—покажетъ, конечно, время. Но что отдѣльные скаты по этому уклону, свидѣтельствующіе о сродствѣ республиканства съ анархизмомъ и о притяженіи, вслѣдствіе этого сродства, перваго послѣднимъ, существуютъ и теперь,—этого, въ виду очевидныхъ фактовъ, не отрицаетъ и *Temps*, свидѣтельствующій, что нѣкоторые „соціалисты въ сущности лишь революціонеры, проникнутые симпатіей и, быть можетъ, даже уваженіемъ къ Равашолу“ и что, съ другой стороны, „многіе республиканцы провозглашаютъ себя соціалистами“ (см. выше). Для фактической скрѣпы нашего, добытаго логическимъ анализомъ, тезиса достаточно и этого; полнаго-же ската подъ гору нашимъ друзьямъ-французамъ мы, конечно, вовсе не желаемъ...

Этого ската мы не только не желаемъ, но, если угодно, даже и не ожидаемъ. Именно, намъ кажется, что онъ всегда будетъ находить значительное противодѣйствіе въ тѣхъ положительныхъ началахъ французскаго мірозерцанія, которыя, не смотря на его незавидную репутацію (не совсѣмъ справедливую, какъ увидимъ далѣе), на его двусмысленный характеръ и легкую окраску въ общемъ, не смотря также на нѣкоторыя уродливыя проявленія его въ частности, всегда были ему присущи, а въ послѣднее время, какъ кажется, съ особенною настойчивостью прокладываютъ себѣ путь къ тому, чтобъ шире и глубже овладѣть мыслящимъ сознаніемъ націи и занять въ немъ подобающее мѣсто. Утверждаясь, въ свою очередь, въ католичество, —этой великой силѣ и главнымъ корнѣ западнаго охраненія,—упомянутыя начала не разъ спасали и, вѣроятно, еще не разъ будутъ спасать націю отъ социальныхъ бурь и переворотовъ, или,—что бывало чаще,—возрождать ее послѣ произведенныхъ этими бурями и переворотами опустошеній. Но, прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ умственнаго строя современной Франціи, скажемъ нѣсколько словъ о средоточіи французской мысли,—Парижскомъ Университетѣ. Можетъ быть, эти краткія свѣдѣнія будутъ не совсѣмъ лишены интереса, особенно для тѣхъ, кто (какъ было съ нами,—сознаемся въ этомъ,—

до прїѣзда въ Парижъ) съ указаннымъ выраженіемъ „Парижскій Университетъ“ связываетъ не совсѣмъ отчетливое представленіе.

Говоря строго, никакого „Парижскаго Университета“ въ Парижѣ нѣтъ. Очень ошибается тотъ, кто представляетъ себѣ этотъ несуществующій Университетъ по подобію, напр., строго централизованнаго, объединеннаго даже самымъ зданіемъ, Университета Берлинскаго или хотя-бы даже по подобію нашего, менѣе централизованнаго, Московскаго. Ничего подобнаго! Въ замѣнъ этого здѣсь существуетъ великое множество обособленныхъ, помѣщающихся не только въ разныхъ зданіяхъ, но на разныхъ улицахъ и даже въ разныхъ кварталахъ города, „курсовъ“, „школь“ и, пожалуй, „факультетовъ“. Такъ здѣсь существуютъ „факультеты“: протестантскаго богословія (*Faculté de théologie protestante, Bd. Arago*), юридическій факультетъ (*Fac. de Droit, Place du Panthéon*), медицинскій (*F. de Médecine, Rue et Place de l'École-de-Médecine*), естественнаго научнаго или физико-математическій (*F. des Sciences, en Sorbonne*), и факультетъ литературный или, по нашему, историко-филологическій (*F. des Lettres en Sorbonne*). Вотъ, если угодно, собственно „Парижскій Университетъ“ (*L'Université de Paris*), который здѣсь, однако, очень рѣдко называютъ этимъ именемъ. Далѣе, въ составъ Университета въ широкомъ смыслѣ слова, или,—какъ здѣсь болѣе принято говорить,—въ составъ „Парижской Академіи“ (*Académie de Paris*) входитъ цѣлый рядъ спеціальныхъ „высшихъ курсовъ“ (*Les Cours et Renseignements des Grandes Écoles*), какъ-то: *Collège de France* (соединеніе курсовъ естественно научныхъ и историко-филологическихъ, включая сюда и философію), *Muséum d'Histoire Naturelle* (въ зоологическомъ саду), *École pratique des Hautes Études* съ подраздѣленіями — секціею наукъ историческихъ и филологическихъ и секціею наукъ религіозныхъ (обѣ секціи въ библіотекѣ Сорбонны), курсы изящныхъ искусствъ (*des Beaux-Arts*), дипломатіи (*École nationale des Chartes*), археологіи (въ Луврѣ), восточныхъ языковъ, сельскаго хозяйства и т. д. и т. д. Сюда-же слѣдуетъ, наконецъ, отнести и Католическій Институтъ (*Institut Catholique*) съ его отдѣленіями: спеціально-богословскимъ, юридическимъ (*Sec-*

tion Canonique), и научно-литературнымъ (Études scientifiques et littéraires). Всѣ эти „факультеты“ и „курсы“ живутъ самостоятельно, изолированную жизнью, имѣютъ свои учебные планы, преслѣдуютъ свои спеціальныя задачи и объединяются развѣ лишь на исполнинскихъ министерскихъ объявленіяхъ о началѣ и составѣ курсовъ, которыя во множествѣ расклеиваются по всему Парижу ¹⁾. Называть ихъ Университетомъ или Академіею, очевидно, можно не съ большимъ правомъ, чѣмъ, напр., вообще всѣ высшія учебныя заведенія и курсы Франціи—Университетомъ французскимъ. И, какъ это ни странно, французы дѣйствительно иногда пользуются этимъ послѣднимъ терминомъ—особенно на диссертацияхъ (thèses). Обычная формула здѣсь такая: *Université de France*,—*Académie de Paris* или *de Toulouse* и т. д. Очевидно, въ такомъ случаѣ, названія „Французскій Университетъ“, „Парижскій Университетъ“, „Парижская Академія“ получаютъ смыслъ имени не собственнаго, а собирательнаго.

Что касается характера „высшихъ курсовъ“, то ихъ слѣдуетъ различать два рода: курсы публичныя, или собственно курсы, и курсы закрытыя, или такъ называемыя „конференціи“ (Conférences). Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ читаются исключительно курсы публичныя, какъ, напр., au Collège de France, гдѣ читаютъ Ренанъ, Бертелло, Масперо, Леруа-Больѣ, Рибо, Шарль Левенъ и др. „знаменитости“; въ иныхъ—исключительно закрытыя, какъ, напр., à l'École pratique des Hautes Études, вслѣдствіе крайней спеціальности предметовъ (на этихъ курсахъ „слушатели“ обыкновенно настоятельно приглашаются къ дѣятельному „сотрудничеству“, — къ домашнимъ подготовкамъ); въ другихъ, наконецъ, смѣшанныя (во всѣхъ факультетахъ Университета, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова). На публичныя курсы допускаются всѣ, безъ различія пола, возраста и

¹⁾ Въ послѣднее время, впрочемъ, замѣчается движеніе къ централизці разрозненныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Парижа: такъ, для всѣхъ факультетовъ и фармацевтической школы образованъ одинъ общій совѣтъ (Le Conseil général des Facultés), а для студеновъ *всѣхъ* высшихъ заведеній безъ различія основано одно общество (Association générale des étudiants de Paris). См. объ этомъ интересную книгу *Лависса* (Lavisse), проф. Сорбонны. *L'étude et les étudiants*, Par. 1890. p. 223 и сл.

образовательнаго ценза. Это послѣднее обстоятельство иногда неблагопріятно отражается на характерѣ преподаванія, такъ какъ нѣкоторые профессора легко и, конечно, естественно поддаются искушенію, въ виду разнохарактернаго состава слушателей, „упрощать“ свои чтенія, влѣдствіе чего „высшіе курсы“ иногда получаютъ вовсе несвойственный имъ характеръ крайней элементарности. Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться: этою наклонностію къ „упрощенію“ страдаютъ далеко не всѣ профессора. Можно даже сказать болѣе: она есть лишь исключеніе. Большинство-же съ похвальнымъ ригоризмомъ оставляетъ пониманіе или непониманіе лекціи на отвѣтственности своихъ нерѣдко случайныхъ слушателей и слушательницъ. Кстати сказать: между этими послѣдними очень много нашихъ соотечественницъ, — такъ много, что своею численностію онѣ превышаютъ, кажется, самихъ туземокъ. Еще одна замѣтка кстати: въ прохладныя аудиторіи различныхъ „курсовъ“, особенно въ жаркую пору, многіе, и по преимуществу дамы почтенныхъ лѣтъ, заходятъ, повидимому, лишь затѣмъ, чтобы освѣжиться и отдохнуть, и нерѣдко, — говоримъ это безъ преувеличенія, — равномерный речитативъ слабаго, старческаго профессорскаго голоса аккомпанируется довольно изряднымъ храпомъ какой-нибудь вольной „мученицы науки“, изнемогающей въ непосильной борьбѣ со всемогущимъ послѣобѣденнымъ морфеємъ...

Возвратимся теперь къ покинутому предмету, — къ характеристикѣ умственаго строя современной Франціи. Начнемъ передачею двухъ маленькихъ фактовъ, которые, при своей кажущейся незначительности, можетъ быть, будутъ достаточны для того, чтобы поставить читателя съ самаго начала на надлежащую точку зрѣнія въ этомъ сложномъ вопросѣ. Вотъ первый фактъ. Профессоръ Сорбонны, Бутру (Boutroux), авторъ одного изъ самыхъ сенсаціозныхъ философскихъ сочиненій послѣдняго времени („О случайности законовъ природы“, Paris, 1874), заканчивая свой курсъ („объ идеѣ естественнаго въ новой философіи“), благодарилъ своихъ многочисленныхъ слушателей (курсъ публичный) за вниманіе къ его чтеньямъ, которыя „по необходимости иногда должны были касаться отвлеченныхъ и трудныхъ вопросовъ“, и, между прочимъ, сказалъ:

„Меня радуетъ это вниманіе отчасти и потому, что я вижу въ немъ вообще доброе знаменіе времени, — поворотъ къ лучшему въ мысляхъ моихъ соотечественниковъ: лѣтъ 30—25 тому назадъ всѣ эти „отвлеченные“ вопросы, — вопросы о механизмѣ и цѣлесообразности, причинности и свободѣ, познаваемости и непознаваемости основаній существующаго, — считались уже *решенными* разъ и навсегда, въ смыслѣ позитивно-матеріалистическомъ; а теперь Вы слушаете, — слушаете съ настойчивымъ вниманіемъ. Очевидно общественное сознаніе, мысль становится серьезнѣе, вдумчивѣе, глубже“ и т. д.

Почтенный профессоръ могъ бы объяснить значительную долю вниманія къ своимъ чтеніямъ и иначе: его курсъ и самъ по себѣ, независимо отъ всякихъ вѣяній времени, былъ очень интересенъ и своеобразенъ, — одинъ изъ самыхъ талантливыхъ курсовъ, которые довелось намъ выслушать не только здѣсь, но и въ Берлинѣ. За всѣмъ тѣмъ, кое-что остается, конечно, и на долю „духа времени“, — на долю той переменъ въ настроеніи, которую отмѣтилъ почтенный профессоръ. Вотъ одинъ фактъ. Другой былъ его маленькимъ продолженіемъ. Разговаривая по окончаніи лекціи, и по поводу ея, съ своими коллегами по студенческой скамьѣ, я, между прочимъ, поздравилъ ихъ съ этой переменною къ лучшему“. Но этимъ поздравленіемъ они остались не совсѣмъ довольны: „да, — отвѣчали они мнѣ, — *къ сожалѣнію* это вѣрно, переменъ замѣчается, это фактъ.“ — Къ сожалѣнію?! — „Да, къ сожалѣнію! У насъ и безъ того всегда было достаточно метафизики и даже, пожалуй, мистики и очень мало трезваго противодѣйствія ей. Жаль, что у насъ теперь только одинъ Рибо, было очень мало Тэнновъ, а Кантъ оставилъ намъ такого несчастнаго ученика (разумѣется *Laffitte*, профессоръ au Collège de France и издатель очень мало извѣстнаго даже въ Парижѣ философскаго и социальна-политическаго журнала: *La Revue Occidentale*), который на двадцать лѣтъ отсталъ даже отъ своего, уже давно умершаго учителя“...

Вотъ факты. Смыслъ ихъ ясенъ: основное, „мистико-метафизическое“, какъ нѣсколько утрировано выразился мой собесѣдникъ, теченіе французской мысли за послѣднее время получаетъ болѣе широкое вліяніе, чѣмъ 30—25 лѣтъ

назадъ, но *рядомъ съ нимъ* остается и другое, связывающее себя съ именами Рибо, Капта, Тэна и др. под. Гдѣ пролегаетъ пограничная линія между этими теченіями сказать съ точностію, конечно, не легко; но за то очень не трудно указать, гдѣ эти теченія достигаютъ своихъ кульминаціонныхъ пунктовъ. Одинъ изъ Парижскихъ юристическихъ листковъ далъ на дняхъ своимъ читателямъ очень удачную концепцію, какъ разъ отвѣчающую на этотъ вопросъ. Онъ помѣстилъ на одной картинѣ, въ окнахъ двухъ, раздѣленныхъ между собою широкою улицею, зданій, другъ противъ друга лукаво улыбающіяся фигуры хорошо извѣстныхъ всему Парижу Ренана и Гюльста (Hulst — епископъ, Ректоръ Католическаго Института и весьма популярный проповѣдникъ въ Соборѣ Парижской Богоматери): вотъ-де новые римскіе авгуры! Что шуты умѣютъ иногда говорить правду не хуже философовъ, — это хорошо извѣстно со временъ Шекспира, и хотя на этотъ разъ литературный шутъ слишкомъ поспѣшно включилъ въ число *лукавыхъ* авгуровъ *искренно-убѣжденнаго* католика, тѣмъ не менѣе, въ его словахъ еще остается нѣчто такое, подѣ чѣмъ философъ можетъ смѣло подписаться. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, новые авгуры! Каждый изъ нихъ имѣетъ своихъ многочисленныхъ и слѣпыхъ послѣдователей; каждый пользуется въ глазахъ своихъ адептовъ очень высокимъ престижемъ — одинъ во имя „непогрѣшимой“ науки, другой во имя еще болѣе непогрѣшимаго „святѣйшаго престола“; слова каждаго изъ нихъ принимаются „вѣрующими“, какъ подлинное откровеніе; другъ друга они хорошо понимаютъ и, вѣроятно, смертельно ненавидятъ; каждый отстаиваетъ своего рода крайность — одинъ одного характера, другой — другого: оба они, слѣдовательно, могутъ быть поставлены вмѣстѣ, на одну доску и уравнены какъ самые типичные выразители, какъ „кульминаціонные пункты“ крайнихъ теченій современной французской мысли, — скептическаго эпикуреизма и ультрамонтанскаго догматизма.

Своеобразный эстетико-скептическій эпикуреизмъ Ренана положительно оттѣснилъ или, сказать точнѣе, поглотилъ, переплавилъ въ себя всѣ другія формы французскаго (а отчасти и нѣмецкаго) вольномыслія прошлаго времени. Кошунственное вольнодумство энциклопедистовъ, соціально-политическія уто-

пи пруданистовъ и сенсимонистовъ, quasi-научность позитивизма и библейскій критицизмъ quasi — исторической школы Штрауса, — все это слилось вмѣстѣ въ одинъ общій конгломератъ, въ одинъ апоѳеозъ „автономной человѣчности“ и, будучи скрашено недюжиннымъ литературнымъ талантомъ Ренана, увлекло и сбило здѣсь съ толку очень и очень многихъ. Сюда бросились всѣ тѣ, которые, вступивъ практически на путь матеріализма, всетаки искали и ищутъ для него теоретическаго оправданія; а такихъ всегда и повсюду очень много, во Франціи-же особенно. Чтобы познакомить съ этою новою формою эпикуреизма, мы позволимъ себѣ привести здѣсь недавнюю рѣчь Ренана, произнесенную имъ въ собраніи любителей греческаго образованія (L'Association des études grecques), праздновавшего двадцатипятилѣтіе своего основанія, на каковомъ праздникѣ Ренанъ занималъ самое почетное мѣсто посреди греческаго министра, Дельяни (Delyannis), съ одной стороны, и директора средняго образованія, довольно извѣстнаго здѣсь автора многихъ философскихъ сочиненій, Рабье (Rabier), — съ другой. Эта рѣчь содержитъ въ себѣ почти всю, несложную, впрочемъ, ренановскую догматику съ ея тріадою идей, — идею „свободной отъ супранатурализма“ религіи, „автономной морали“ и „историческаго безсмертія“.

„Вамъ угодно было, мм. гг., — сказалъ ораторъ, — бросить солнечный лучъ на мои послѣдніе дни Я люблю банкеты, сознаюсь въ этомъ. — банкеты, на которыхъ, какъ на нашемъ, царятъ симпатія, сердечность, и гдѣ не говорятъ о политикѣ Вѣроятно, сегодня послѣдній разъ я присутствую на одномъ изъ такихъ праздниковъ. Еще часъ тому назадъ я не зналъ, буду-ли въ силахъ придти на ваше собраніе (до того осаждаютъ меня мои недуги!) Но, слава Богу, я, какъ видите, не совсѣмъ еще инвалидъ среди васъ. Этотъ праздникъ поистинѣ прекрасенъ, мм. гг., и вы очень хорошо дѣлаете, что его празднуете. Въ началѣ 1867 г. группа друзей эллинизма, изъ которой нѣкоторые еще здравствуютъ, основала эту ассоціацію, съ цѣлію поддерживать и развивать среди насъ вкусъ къ изученію греческой образованности: развивать вкусъ къ греческой образованности, — о, какая прекрасная программа! Мы, остальные, изслѣдователи предметовъ внѣшнихъ, чужеземныхъ (exotiques), — мы культивируемъ лишь окрестности, колоніи; вы-же, — вы обитаете въ самомъ отечествѣ; вы разбили здѣсь палатку, изъ которой ведете свои изысканія на священной почвѣ, гдѣ стоитъ нашъ Акрополь, наша общая религіозная колыбель (notre berceau religieux à tous)

„Есть въ исторіи чудо, мм. гг., — а чудомъ я называю то, что совершилось лишь одинъ разъ, — это античная Греція. Да, почти 500 л. до Р. Хр.

уже намѣтился въ человѣчествѣ типъ цивилизаціи столь совершенной, столь полной, что все предшествовавшее отступило въ тѣнь. Это было по истинѣ рожденіемъ разума и свободы. Гражданинъ, человѣкъ свободный, проявилъ себя въ дѣлахъ подлинно человѣческихъ. Благородство, достоинство этого новаго человѣка заставило закрыть глаза на все, что до того времени являлось царственнымъ и великимъ. Мораль, основанная на разумѣ, утвердилась въ своей вѣчной истинѣ, безъ всякой примѣси сверхъестественныхъ фикцій (!) Истина о богахъ и природѣ была уже почти открыта. Человѣкъ, освобожденный отъ безумныхъ страховъ своего дѣтства, началъ спокойно смотрѣть на свою судьбу. Наука, т. е. истинная философія, была основана. Уже догадывались, по временамъ, объ универсальномъ механизмѣ и, хотя не сѣумѣли еще продержаться на этой точкѣ зрѣнія, однако принципъ уже былъ найденъ. Коперникъ, Галилей и Ньютонъ вывели лишь слѣдствія изъ этихъ идей, которыя отннмуть у земли ея центральное положеніе и откроютъ перспективу на безконечность уннверса.

„А въ искусствѣ, — о небо!—какое обиліе! Какое множество боговъ и богини! Какая небесная революція! Греція открыла красоту, какъ она-же открыла разумъ. Она одна открыла тайну красоты и истины, правило, идеаль. Отнынѣ ничего не остается, какъ идти къ ней въ школу...

„И этотъ-то рѣшительный моментъ въ исторіи человѣчества вы, мм. гг., изучаете. О, какъ завидна ваша доля! Въ твореніяхъ, которыя вы изслѣдуете со столь пламеннымъ рвеніемъ, найденъ смыслъ жизни—*τό καλόν*, и особенно *καλός κ' ἄκαθός*. О дивныя слова! Благородный человѣкъ отнынѣ въ себѣ самомъ имѣетъ принципъ благородства. Истина, благо и красота—вотъ божественныя полюсы, которые насъ притягиваютъ. Меланхолическаго обращенія къ прошлому, мысли печальной, т. е. эгоистической, — ничего этого Греція никогда не знала. Она идетъ всегда впередъ, ибо чувствуетъ, что міръ имѣетъ въ ней потребность и что она осуществить въ свое время самое возвышенное собраніе человѣчности.

„Въ самомъ дѣлѣ, что особенно характеризуетъ грека, такъ это его вѣра въ славу, его довѣрчивое отношеніе къ будущему. Слава—вотъ еще изобрѣтеніе Греціи! Жизнь индивидуума коротка; но память людей вѣчна, и вотъ въ этой-то памяти живутъ дѣйствительно. Для человѣка важно, что будутъ говорить о немъ по смерти. Жизнь дѣйствительная подчинена жизни за предѣлами гроба (*la vie d'outre-tombe*). Жертвовать репутации есть благоразумный расчетъ. Грекъ создалъ, такимъ образомъ, оцѣнку непогрѣшимую. Изобрѣтая исторію, онъ установилъ судъ надъ міромъ, и этотъ судъ, этотъ приговоръ—безапелляционенъ. Забвеніе—это-небытіе; воспоминаніе, слава—жизнь. За статую въ Афинахъ грекъ жертвуетъ всѣмъ. Такимъ образомъ, въ замѣнъ безсмертія, которое боги, казалось, сохраняютъ только для себя, для человѣка, для котораго съ жизнью кончается все, было найдено нѣчто большее пустаго тщеславія: „быть почетнымъ между греками“—сдѣлалось наградою для того, кто пре-сдѣловалъ благо и красоту.

„Такъ былъ созданъ тотъ прекрасный источникъ свѣта, изъ котораго жизнь заимствуетъ свое достоинство и свою цѣну. Предметы имѣютъ свою идеальную цѣнность,—однако, подъ условіемъ существованія судей, спо-

собныхъ къ оцѣнкѣ блага и красоты. Жить въ виду оцѣнки избранниковъ—вотъ что служило основаніемъ столь возвышенныхъ характеровъ, какіе мы видимъ среди грековъ и римлянъ. Это вполне понималъ Цицеронъ, глубокій знатокъ Греціи: *in hac luce vive!* Въ тѣ печальные дни, которые онъ пережилъ, онъ постоянно держалъ предъ глазами этотъ маякъ истины—*τὸ καλὸν!*

„Благодарю васъ, мм. гг., за то, что вы дали мнѣ возможность перенестись воспоминаніемъ, хотя лишь на одинъ моментъ, въ эту чистую атмосферу инаго міра. Вотъ мысли, которыя заставляютъ забывать страданія и утѣшаютъ въ старости. Увижу-ли я еще афинскій Акрополь? Сомнѣваюсь и не надѣюсь. Думаю, что наши несносные (*vilaines*) сѣверные туманы окажутся послѣднимъ горизонтомъ, по которому будетъ блуждать мой угасающій взоръ. Но вамъ я обязанъ моментомъ прекрасной мечты. Благодарю за этотъ вечеръ. Благодарю за удовольствіе, которое я получилъ, пробывъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ среди настоящихъ грековъ. Предлагаю тостъ сначала, если угодно, за грековъ древнихъ,—этихъ несравненныхъ наставниковъ всякаго истиннаго благородства и величія; потомъ за почетныхъ гостей, изволившихъ присоединиться къ нашему *симпосіону*; потомъ за основателей общества, которые теперь—увы!—почти всѣ уже умерли. Имъ, мм. гг., 25 л. тому назадъ пришла прекрасная и счастливая мысль“ (*Le Temps*, № 11308).

Да простить намъ читатель эту выписку, которую, быть можетъ, онъ находитъ нѣсколько длинною. Но рѣчь Ренана намъ казалась характерною и заслуживающею вниманія во многихъ отношеніяхъ: во первыхъ, — какъ сжатое и точное выраженіе его идеаловъ и убѣжденій, если въ данномъ случаѣ о нихъ можно говорить; во-вторыхъ, — какъ характеристика его, во всякомъ случаѣ, недюжинаго литературнаго и ораторскаго таланта; въ-третьихъ, наконецъ, какъ выраженіе того настроенія, тѣхъ мыслей, съ которыми этотъ великій старый скептикъ (на языкъ просится „грѣшникъ“, — но не намъ, конечно, судить его!), — великій скептикъ и отрицатель нашихъ дней, готовится встрѣтить законъ своей жизни и вѣстницу инаго міра. И вотъ, съ такимъ-же краснорѣчіемъ, съ такимъ же изяществомъ, иногда съ примѣсью ѣдкой ироніи и игриваго остроумія и всегда тономъ убѣжденнымъ (ибо, вѣдь, и Ренанъ думаетъ, что онъ служитъ религіи и христіанству, см. предисловіе его „*Vie de Jésus*, изд. 1981 г., р. VI), этотъ рыхлый эпикуреецъ, съ типичнаго лица котораго никогда не сходитъ скептическая улыбка, въ теченіе долгихъ лѣтъ насаждаетъ au Collège de France свою „критику“ и свою „новую религію“, — и его охотно слушаютъ. Въ пинѣш-

немъ году, напр., онъ излагалъ „критику легендъ (sic!) о Моисеѣ“ (Critique des Légendes relatives à Moïse), и около него тѣснилась всегда масса слушателей, не смотря на то, что его старческій голосъ для большой и переполненной аудиторіи уже недостаточно силенъ и внятень. Если прибавить къ этому, что его пресловутая *Vie de Jésus* выдержала уже около сорока популярныхъ изданій (у насъ подъ руками *тридцать седьмое*), не считая изданій непопулярныхъ, предназначенныхъ для „образованныхъ“; то легко понять, какую широкую струю невѣрія и „свободной мысли“ ввелъ онъ въ сознание французской націи. Несомнѣнно, что подъ значительнымъ вліяніемъ его идей выработался тотъ странный типъ, такъ называемой *нейтральной школы*, — школы „sans Dieu“, какъ принято говорить здѣсь, — которая составляетъ, можетъ быть, самое печальное явленіе въ умственномъ строѣ современной Франціи. *Закономъ* 1882 г., правда, предоставлено свободѣ родителей выбирать для своихъ дѣтей школу; но *фактически* эта „нейтральная школа“, повидимому, пользуется большею симпатіею со стороны республиканскаго правительства, чѣмъ школы, основанныя на началахъ католическихъ. По крайней мѣрѣ католическое духовенство преслѣдуется здѣсь за проповѣди противъ этой школы и за внушеніе родителямъ, что они „грѣшатъ противъ своей религіи, посылая дѣтей въ эти школы“ и что, какъ католики, они должны предпочитать школы католическія (см. недавній, одинъ изъ *очень многихъ*, процессъ такого рода противъ аббата Деляфосса въ L'Autorité, № 190). Чтобы дать читателю представленіе объ этомъ типѣ современной фр. школы, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о такъ называемомъ „свѣтскомъ катехизисѣ“ (Catéchisme laïque), положенномъ въ ея основаніе. Этотъ катехизисъ составленъ совершенно въ смыслѣ каптовско-ренаповскаго скептицизма и съ этой точки зрѣнія толкуетъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о прогрессѣ (новое божество!), о природѣ и человѣкѣ, душѣ и тѣлѣ, о страстяхъ и добродѣтеляхъ, о правѣ и долгѣ, „клерикализмѣ“ и „свободѣ“, о материализмѣ, спиритуализмѣ, атеизмѣ, свободной и независимой мысли и т. д. и т. д. Онъ открывается главою „о неизвѣстномъ“ (de ce qu'on ne sait pas), которая начинается такъ:

Вопросъ (книга изложена въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ): что такое Богъ?

Отвѣтъ. не знаю.

В. Кто сотворилъ міръ?

О. Не знаю.

В. Откуда приходитъ и куда идетъ человѣчество? Когда и какъ человѣкъ появился на землѣ? Что случится съ нами по смерти?

О. Не знаю.

В. Не краснѣете-ли Вы за свое невѣдѣніе?

О. Нѣтъ стыда не знать то, чего никто и никогда не могъ узнать.

В. Но развѣ этому не учитъ религія?

О. Религіи учили объ этомъ каждая по своему и каждая говорила людямъ: „вѣрьте мнѣ—вотъ истина“!

В. Значитъ Вы не вѣрите никакой религіи?

О. Я боюсь ошибиться и ожидаю, пока разумъ въ согласіи съ вѣрою сдѣлаетъ выборъ наиболѣе раціональный.

В. Но во что-же Вы вѣрите въ ожиданіи этого?

О. Я вѣрю, что больше заслуги, особенно-же больше пользы, хорошо вести себя на землѣ, чѣмъ строить всевозможныя догадки о первой причинѣ, которая насъ поставила въ это положеніе.

В. Но, вѣдь, чтобы хорошо вести себя, нужно знать направление; а кто укажетъ Вамъ это направление, если у Васъ нѣтъ религіозной вѣры?

О. Разумъ.

В. Куда-же ведетъ Васъ разумъ?

О. Ведетъ.... къ признанію истины *вз прогрессъ* (*Catéchisme laïque, par André Berthet, 2-e éd. 1891. Chap. I, passim*)

Въ такомъ толѣ и направленіи изложено и весь этотъ quasi-„катехизисъ“. Что въ *католической* странѣ ни онъ самъ, ни тѣ школы, въ основу которыхъ онъ положенъ, ни его первоинициаторы, во главѣ которыхъ стоитъ Ренанъ, не только не могутъ пользоваться всеобщею симпатіею, но, напротивъ, неизбѣжно должны встрѣчать сильную оппозицію или, по крайней мѣрѣ, критику, —это, конечно, понятно. Вотъ, напр., одинъ изъ безчисленныхъ отзывовъ о Ренанѣ со стороны представителей противоположнаго ему лагеря,—

отзывъ, которымъ недавно обрушился на него Поль Кассаньякъ, по поводу защиты Ренаномъ семитовъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ *Франкфуртской газеты*. „Я былъ еще очень молодъ, — гов. Кассаньякъ, — когда появилась *Жизнь Иисуса*. Съ тѣхъ поръ я читаю все, что Ренанъ публикуетъ. И теперь, какъ и прежде, я испытываю непреодолимое отвращеніе къ этому существу безъ нравственности и вѣры, безъ ненависти и любви, безъ пола (sic!) и патриотизма, — къ этому ублюдку, воплощенному практическому разсчету, религіозному эвнуху (*être hybride, charon pratique, eunuque religieux*); къ этому измѣннику и предателю (*défroqué*), который ни во что не вѣритъ, кромѣ самого себя, и идетъ къ могилѣ, оставляя за собою долгій путь сомнѣнія и скептицизма и равнодушно относясь и къ добродѣтели, и къ пороку; къ этому жалкому человѣку, который никого не поддержалъ, никого не утѣшилъ, и зловерное сочиненіе котораго еще долго будетъ дѣйствовать растлѣвающимъ образомъ, особенно на наше молодое поколѣніе“ (*L'Autorité* № 184). Изъ этого рѣзкаго отзыва Кассаньяка о Ренанѣ мы видимъ, что представители противоположнаго ренановскому полюса французской мысли не дремлютъ и клеймятъ его кощунственный эпикуреизмъ сильнымъ и смѣлымъ словомъ осужденія. Здѣсь, заговоривъ объ этомъ противоположномъ ренановскому полюсѣ мысли, мы должны-бы были перейти къ характеристикѣ этого послѣдняго, — къ выясненію того элемента, который вносятъ въ мыслящее сознание современной Франціи „клерикалы“, т. е. ультрамонтанскаго догматизма. Но такъ какъ вопросу о католицизмѣ во Франціи мы предполагаемъ посвятить особое (ближайшее) письмо, то на этотъ разъ ограничимся характеристикой лишь двухъ другихъ, среднихъ, теченій современной фр. мысли.

Первое изъ этихъ среднихъ теченій, которое *Поланъ* въ своей недавней книгѣ мѣтко назвалъ „новымъ мистицизмомъ“ (*Le nouveau mysticisme, par F. Paulan, Paris, 1891*), есть компромиссъ между двумя вышеуказанными крайними полюсами мысли. Съ одной стороны, дарвинизмъ, разрушившій своимъ ученіемъ о всеобщей борьбѣ за существованіе доктрину „благой природы“; позитивизмъ, пробившій брешь въ спиритуализмѣ Кузена и его школы; пессимизмъ Шопенгауера и Гартмана, полу-скептическія доктрины Тэна и др.

крайнія движенія мысли послѣдняго времени, концентрирующіяся, какъ мы сказали, въ эстетическомъ эпикуреизмѣ Ренана, — все это произвело своего рода „анархію“, уже не „анархію мысли“, о которой говорилъ Кантъ, но анархію вѣрованій и нравственныхъ устоевъ, каковая анархія, въ свою очередь, пробудила мучительную жажду идеала. Съ другой стороны, вѣками воспитанное отвращеніе къ ультрамонтанскому авторитету, доселѣ не перестающему сковывать мысль догматическимъ *veto*, заставило искать удовлетворенія этого мистическаго стремленія къ идеалу повсюду, гдѣ угодно, только не въ католицизмѣ. Къ этимъ двумъ факторамъ присоединился еще третій, совершенно своеобразный и, можетъ быть, самый важный для характеристики современныхъ настроеній во Франціи,—это *любовь ко злу*,—любовь, не какъ простое практическое настроеніе, не какъ бессознательное и какъ-бы невольное увлеченіе обезсилѣвшей и разслабѣвшей воли, но любовь сознательная, возведенная въ теорію, въ принципъ, и даже одѣтая обаяніемъ поэзіи. Это-то странное, ненормальное состояніе, въ которомъ больной сознаетъ себя больнымъ и тѣшится, упивается своєю болѣзью, рисуется или гордится ею, какъ признакомъ своего особеннаго благородства, своей исключительно-тонко развитой нервной организаціи (эти настроенія хорошо вскрыты многими современными фр. писателями, особенно *Musset*, *Paul'емъ Bourget* и *Joséphin'омъ Peladan'омъ*); это-то болѣзненное настроеніе, эта „любовь ко злу“ заставляеть окрашивать новый смутный идеаль пессимистически - меланхолическимъ колоритомъ, вслѣдствіе чего онъ, конечно, ужъ не можетъ лежать въ одномъ направленіи съ истиннымъ идеаломъ Религіи Испуленія, призывающей къ бодрой и энергичной борьбѣ съ тою самою болѣзненно-преступною „любовью ко злу“, которымъ гордятся разбитыя натуры нашихъ дней. Такимъ образомъ, на мѣсто животворной христіанской мистики у этихъ половинчатыхъ людей, которые не имѣютъ въ себѣ достаточно послѣдовательности, чтобы примкнуть къ одному изъ вышеуказанныхъ полюсовъ мысли, вступаетъ „новый мистицизмъ“ въ его неисчерпаемо разнообразныхъ формахъ, начиная отъ спиритизма и кончая необуддійскою теософією. Даже и наиболѣе осторожные умы, каковы, напр., самъ авторъ цито-

ванной нами книги: Le nouveau mysticisme, при этомъ эпидемическомъ увлеченіи „болѣзною времени“, предпочитаетъ „историческому христіанству“ (т. е. католицизму и протестантизму, каковыя формы они только и знаютъ) неопредѣленную и самопротиворѣчивую „религію отечества“, „человѣчества“, „научныхъ ассоціацій“ и прочія утопіи. Если, — разсуждаетъ Полянъ, — „религія есть форма общенія людей между собою, съ одной стороны, и съ міромъ, съ другой“ (?); то вѣдь можно включить въ это опредѣленіе и всѣ тѣ ассоціаціи, въ которыхъ человѣкъ можетъ найти поддержку и усладу своей жизни, какъ-то: семью, отечество, человѣчество, научныя общества взаимной помощи, экономическія ассоціаціи и т. д. (р. 170 и слѣд.). Въ этомъ направленіи, какъ ожидаютъ аденты „новаго мистицизма“, и должно совершиться „религіозное возрожденіе“.

Совершится это ненужное „возрожденіе“ или нѣтъ, — мы не знаемъ. Но мы знаемъ, что, къ счастью для націи, во французскомъ міросозерцаніи есть еще особый элементъ, который никогда не замиралъ и еще доселѣ заявляетъ себя довольно энергично, — элементъ, забота о которомъ была-бы несравненно болѣе плодотворна, чѣмъ всѣ эти сантиментальныя увлеченія „новымъ мистицизмомъ“. Это — философская, такъ называемая *спиритуалистическая школа* — въ обоихъ смыслахъ этого послѣдняго слова: и въ смыслѣ общей философской традиціи и въ смыслѣ специально-школьной (университетской) программы. Счастливы народы, которые имѣютъ опредѣленные и здравыя традиціи и умѣютъ хранить ихъ; и въ этомъ завидномъ счастіи не только не отказано Франціи, но она, кажется надѣлена имъ по преимуществу. Великіе Декартъ и Мальбраншъ, Фенелонъ и Боссюэ, Кузенъ и Мэнъ-де Биранъ отмѣтили главные моменты мысли, которая медленно, но неутомимо преслѣдовала свою основную цѣль — уразумѣть и перевести въ отчетливую форму возвышенныя христіанскія идеи. Историко-философское изученіе этого процесса могло-бы указать въ немъ важную охранительную роль католицизма, который, въ противоположность протестантизму, разнуздавшему протестантскую мысль, даже и для самыхъ свободныхъ и смѣлыхъ умовъ все еще оставался и остается святынею, которую они не осмѣливались осквернять вольномысліемъ

и которая указывала для нихъ опредѣленныя задачи и, по крайней мѣрѣ, общее направленіе. Но выясненіе *генезиса* этого типа мысли не было нашею задачею. Мы хотѣли только отмѣтить фактъ, который сохраняетъ свое вліяніе и на современную французскую мысль, не смотря на великое множество растлѣвающихъ ее побочныхъ теченій. Именно, благодаря этимъ, охраняемымъ католицизмомъ, здоровымъ философскимъ традиціямъ, мы находимъ во Франціи единственную въ своемъ родѣ философскую литературу, которая остается свободною отъ поработившихъ новую (нѣмецкую, а отчасти и англійскую) мысль эволюціонно-пантеистическихъ и механико-материалистическихъ тенденцій, хотя, съ другой стороны, не представляетъ безжизненнаго, сухаго и, такъ сказать, стереотипнаго повторенія средневѣковой философіи, какъ философія „ультрамонтанская“. Сборники этого типа мысли высоко и твердо держатъ свое знамя и смѣло несутъ его впередъ, не смотря на непрерывную и ожесточенную атаку со стороны своихъ многочисленныхъ противниковъ, и пользуются для своей проповѣди не только перомъ, но и каеэдрою. Мы намѣренно сказали: „для своей *проповѣди*“. Они излагаютъ свое ученіе съ истиннымъ одушевленіемъ проповѣдника, проникнутаго сознаніемъ святости своихъ идей, и тогда какъ какойнибудь Лафитъ или хотя-бы даже самъ Ренапъ апатично перетряхиваютъ небогатый запасъ своихъ quasi-положительныхъ выводовъ, въ сосѣдней аудиторіи, съ искреннею вѣрою въ окончательное торжество истины и съ ссылкой на свой собственный *духовный* опытъ, маститый старецъ Левекъ (Charles Leveque), Поль Жане, Пуррисонъ и др. зажигаютъ въ сердцахъ своихъ слушателей, изъ которыхъ, конечно, каждый хоть отчасти знакомъ съ тѣми же опытами, тотъ-же священный огонь, который горитъ и въ ихъ груди. Подъ вліяніемъ этой проповѣди формируются новыя силы, которыя начинаютъ работать на томъ-же полѣ и въ томъ-же направленіи. Поколѣніе смѣняется поколѣніемъ; но духъ, но направленіе, но рѣяніе возвышеннаго идеализма остаются тѣ-же, и маститая Сорбойна, проникнутая этими идеалистическими традиціями, вѣроятно, еще не разъ будетъ содѣйствовать отрезвленію расшатавшейся

французской мысли ¹⁾). Во всемъ этомъ для каждаго, кому будущія судьбы Франціи не безразличны, много успокоительнаго: именно онъ, этотъ устойчивый идеализмъ, можетъ и долженъ спасти непостоянную французскую націю и уберечь ее отъ разложенія, которое ей пророчать не одни только ея враги...

Мы не станемъ касаться другихъ сторонъ французской „культуры“. Фривольность фр. литературы, откровенность (*nudité*) фр. искусства—все это общія мѣста, которыя уже мало кого занимають. Но, чтобы не обрывать „письма“ на такомъ серьезномъ вопросѣ, какъ вопросъ о спиритуалистической школѣ, скажемъ здѣсь кое-что объ обыденной жизни парижанъ; эти замѣчанія дополняютъ сдѣланную выше характеристику француза съ его неустанною подвижностью.

Парижъ суетится цѣлыя сутки, за исключеніемъ развѣ трехъ—четырехъ раннихъ утреннихъ часовъ. Утромъ суета дѣловая: трубитъ рожокъ омнибуса, слышится колокольчикъ какого-нибудь мелкаго уличнаго торговца, протяжный, какъ-бы надорванный, крикъ торговки, свирѣль пастуха-погонщика козъ, который тутъ-же добываетъ отъ нихъ свѣжее молоко и за недорогую плату предлагаетъ всѣмъ желающимъ, поминутно слышится выкрики газетчиковъ, продавцевъ свѣжихъ телеграммъ, биржевыхъ котировокъ, бюллетеней всевозможныхъ сортовъ и т. д., докучлиное *marchand d'habit* старьевщика,—и все это сливается въ одинъ неопредѣленный шумъ, который стономъ стоитъ надъ Парижемъ и, вмѣстѣ съ грохотомъ омнибусовъ, трамваевъ и экипажей и съ торопливою суетою прохожихъ, въ состояніи, особенно на первыхъ порахъ, нагнать на свѣжаго человѣка оторопь. По мѣрѣ склоненія дня къ вечеру, суета смолкаетъ или,—сказать точнѣе,—суета дѣловая переходитъ въ суету бездѣльную: бульвары и бульварные рестораны, и *café* (а ими усѣянъ весь Парижъ) переполняются вѣчно досужей или освободившейся

---

¹⁾ Вопросу о современномъ состояніи философской мысли во Франціи мы предполагаемъ посвятить особый рядъ статей.

отъ срочнаго дѣла публикой и все это напѣваетъ, насвистываетъ какой-нибудь новый мотивъ, безпечно хохочетъ, а позднимъ вечеромъ, когда Парижъ освѣтится цѣлымъ моремъ свѣта—газоваго и электрическаго, надорванный крикъ дѣловаго утра смѣняется всеобщею безпечною веселостью, которая иногда переходитъ въ совершенно ребяческую шаловливость этихъ „взрослыхъ дѣтей“, способныхъ подъ-часъ завести на самой бойкой улицѣ игру „въ догонялки“. Здѣсь много типичнаго и характернаго. Вотъ, напр., въ какомъ-нибудь тупомъ переулкѣ, а иногда и на перекресткѣ большихъ улицъ, пѣвецъ или пѣвица, обыкновенно подъ аккомпаниментъ скрипки или мандолины, среди громадной толпы поетъ шансонетку, только-что положенную на ноты, и послѣ каждаго куплета предлагаетъ ее слушателямъ. Новинка раскупается быстро. Около уличнаго пѣвца образуется цѣлый хоръ, который растеть и растеть до тѣхъ поръ, пока докучливый „сержантъ“ не пригласить разойтись. Здѣсь мы присутствуемъ при зарожденіи моды: завтра весь Парижъ будетъ напѣвать и насвистывать тотъ-же мотивъ...

Французы любятъ пѣсни, веселье и праздники. По воскреснымъ днямъ и праздникамъ они отнюдь не работаютъ, и всѣ магазины, за исключеніемъ развѣ еврейскихъ, закрыты. А сколько у нихъ всевозможныхъ народныхъ гуляній! Сегодня въ одномъ концѣ Парижа, завтра въ другомъ, послѣ завтра въ третьемъ, а разъ въ годъ (именно въ настоящее время, когда мы заканчиваемъ это письмо) весь Парижъ превращается въ одно сплошное гулянье и безумно-весело празднуетъ свой „національный праздникъ“. Чего-чего тутъ нѣтъ; и карусели, и тиры, и „русскія горы“, и „баллоны-каптивы“ (въ миниатюрѣ, конечно), и фейерверки, и театры,—словомъ всевозможныя забавы. И все это изящно, нарядно, богато!

Таковъ Парижъ—эта всемірная столица, эта гордость французовъ. Такова французская дѣйствительность, какъ-бы повисшая на скользкомъ скатѣ къ соціальному и нравственному разложенію, а затѣмъ, вслѣдствіе необходимой связи фактовъ, можетъ быть и къ вырожденію, хотя, съ другой стороны, еще таящая въ себѣ задачи и живыя на-

чала обновленія. Въ какомъ направленіи пройдетъ дальнѣйшая исторія Франціи,—превозмогутъ-ли здравые и неповрежденные ростки, которые проростутъ обветшавшую оболочку, и, такимъ образомъ, французская нація возродится, какъ фениксъ изъ пепла, или, наоборотъ, вѣками наслоившіяся заблужденія ума и воли заглушатъ еще прозябающіе задатки обновленія: кто можетъ сказать это? При непостоянствѣ французскаго характера, при недостаткѣ моральной дисциплины, все возможно. „Подождите, — говорилъ намъ одинъ нѣмецкій профессоръ, страстный политикъ, при прощаніи,—явится снова какой-нибудь Буланже: скрутитъ этихъ вольнодумцевъ!“ „Подождите, — слышали мы не разъ и здѣсь отъ очень многихъ, не исключая и самихъ французовъ,—первая серьезная неудача, которая произойдетъ вслѣдствіе оплошности нынѣшняго правительства, можетъ разомъ перевернуть все: за погромъ 1871 г. винили монархію; для французскаго ума не будетъ ничего послѣдовательнѣе, какъ за новую неудачу винить республику. Монархія—республика, республика—монархія: французская нація, повидимому, вѣчно будетъ вращаться въ этомъ кругу, какъ бѣлка въ колесѣ“. Всмотриваясь въ ея жизнь, прислушиваясь къ движеніямъ ея мысли,—къ этому ропоту прессы и массы, который, какъ зыбь подвижнаго моря, при каждомъ болѣе или менѣе сильномъ напорѣ вѣтра, быстро разростается въ грозно пѣнящійся валъ, поневолѣ подумаешь, что ничего невѣроятнаго въ этихъ ожиданіяхъ и предсказаніяхъ нѣтъ. Но, что-бы ни случилось съ этимъ добродѣтельнымъ и добросердечнымъ народомъ, вся историческая вина котораго, можетъ быть, именно въ томъ и состоитъ, что онъ не привыкъ подчинять головѣ свое пылкое сердце, онъ, кажется, никогда не перестанетъ обращать съ симпатіею и надеждою свой взоръ къ тому далекому востоку, гдѣ обитаетъ его могущественный другъ. И кто знаетъ, можетъ быть въ этихъ симпатіяхъ двухъ націй, которыя несомнѣнно обусловлены не одними только политическими мотивами, но такъ-же и сродствомъ народныхъ характеровъ, одинаково сердечныхъ, одинаково далекихъ отъ нѣмецкой педантичной сухости, одинаково обвѣянныхъ обаяніемъ поэзіи,—можетъ быть въ нихъ дано

для французской націи, даже помимо ея сознанія и воли, не только средство для сохраненія своей политической самобытности, но такъ-же и начало отрезвленія и освобожденія отъ тѣхъ оболъщениій, которыми она грезить вотъ уже цѣлое столѣтіе?!..

А. Введенскій.

Парижъ.
14 (2) Іюля 1892.
День фр. національнаго праздника.
